

Сказка Ли Юнаса
" Зов мельницы "

Жил-был на белом свете охотник, и звали его Туре Сёлвесен. Отправился он как-то раз в Чёрные горы, да забрёл так далеко, что и не знал уж, как ему назад дорогу найти.

С вечера, как только первые сумерки опустились на землю, брёл он и брёл вдоль берега буйной стремительной горной реки; она бурлила и пенилась, брызги долетали до самой тропинки у края обрыва.

И как ни искал охотник мостика или брода, не смог он на другой берег перебраться.

Берег реки становился все круче и круче.

Там, где скалы так сжимали русло, что, казалось, вода вскипала, остановился охотник и ещё раз осмотрелся — нет ли где поблизости переправы.

И вдруг видит — посреди реки лежит обломок скалы, река обегает камень двумя рукавами. Он то выныривал из воды, то снова погружался в неё; шапка пены вздымалась и опадала: грязная, тёмного болотного цвета, росла она в кипении белых речных струй, под натиском бешеного потока.

А оттуда, из пены, доносились неясные звуки, слышались какие-то голоса.

Внизу, у самых ног, грохотал водопад — гром стоял такой, будто кто-то под землёй гигантские мельничные жернова вращал.

И из самой глубины кипящего потока будто смотрит на охотника чьё-то странное недвижимое чёрное око.

Но вот глядит охотник — камень тот и не камень вовсе, а мельница: посреди реки мельница с распахнутой настезь дверью.

Тут-то в пенных хлопьях и углядел он жернова, они медленно ходили по кругу, подчиняясь непрерывному вращению колёса.

Жернова мололи и мололи, гора пены росла и росла, словно и вправду вся река вокруг кипела.

«И чего только не увидишь в здешних горах, чему уж тут дивиться», — подумал Туре-охотник.

Но только он снова тронулся в путь, как до него долетел чей-то злобный смех.

Странные звуки доносились снизу, из водопада.

А злобный смех гремел все громче и громче, он будто пытался вырваться на волю из пенящейся пучины.

Глянь-ка, Туре бродит там,
над рекою,
над рекою,
над рекою.

Тррр-тррр-тррр-трр, тррр-тррр-тррр-трр.
Может, он для нас несёт
куль с мукою,
куль с мукою,
куль с мукою.

«И чего только не почудится, эта река кому хочешь голову заморочит», — подумал он.
Но все громче и громче скрипели жернова, все сильнее и сильнее тёрлись они друг о друга в своей дикой прожорливой радости.

Тррр-тррр-тррр-трр, тррр-тррр-тррр-трр.
Туре кручи по плечу
и завалы,
и завалы,
и завалы.

Тррр-тррр-тррр-трр, тррр-тррр-тррр-трр.
Только б он забрёл сюда
в эти скалы,
в эти скалы,
в эти скалы.

Тррр-тррр-тррр-трр, тррр-тррр-тррр-трр.
Туре Сёлвесен, страшись
злой стремнины,
злой стремнины,
злой стремнины.

Тррр-тррр-тррр-трр, тррр-тррр-тррр-трр.
Милая твоя на дне
той пучины,
той пучины,
той пучины.

Тррр-тррр-тррр-трр, тррр-тррр-тррр-трр.

Никак было охотнику не отвести взор от недвижимого чёрного ока среди вздымающейся под жерновами пены, а на реке тем временем возник стремительный водоворот: поток мчался большими кругами, что-то бурлило, шипело, из глубины глухо доносились тысячи странных голосов.

И все время слышался среди них все тот же глухой стон.

Все яснее и яснее различал охотник своё имя, оно будто тоже росло там, в глубине под жерновами; в конце концов почудилось ему, что земля заходила у него под ногами.

А из бездны неслоь:

Туре кручи по плечу
и завалы,
и завалы,
и завалы.

Тррр-тррр-тррр-трр, тррр-тррр-тррр-трр.

Где-то там, в самом сердце пенной мглы, ходили по кругу жернова, свет быстро сменялся тьмой, мелькали тени; жернова тёрлись друг о друга и выбрасывали в туман все новые и новые хлопья.

И вдруг через мгновенье раздался какой-то высокий резкий звук, будто неподалёку тупую пилу вострили.

Туре кручи по плечу,
и завалы,
и завалы,

и завалы.
Тррр-тррр-тррр-трр, тррр-тррр-тррр-трр.

То она тебя со дна
зазывала,
зазывала,
зазывала.
Тррр-тррр-тррр-трр, тррр-тррр-тррр-трр.

Ну-ка, Туре, попляши
вместе с нами,
вместе с нами,
вместе с нами.
Тррр-тррр-тррр-трр, тррр-тррр-тррр-трр.

Да по крыше застучи
каблуками,
каблуками,
каблуками.
Тррр-тррр-тррр-трр, тррр-тррр-тррр-трр.

Ха-ха-ха, хо-хо-хо,
пляшут тролли,
пляшут тролли,
пляшут тролли.
Тррр-тррр-тррр-трр, тррр-тррр-тррр-трр.

Омут брачным ложем стал
поневоле,
поневоле,
поневоле.
Тррр-тррр-тррр-трр, тррр-тррр-тррр-трр.

Понял Туре, что сознание покидает его, и попробовал вырваться из-под власти странного недвижимого чёрного ока: стал он смотреть
вверх по реке, туда, где бежал глубокий поток.
И будто скользнула там, в тумане, тень девушки со склонённой, покрытой платком головой.
Словно виделось ему все это и не виделось. Тень по воздуху перепорхнула па другой берег реки. Почудилось охотнику, что знаком ему
этот призрак, и кровь от страха застыла у него в жилах — вот-вот обернётся девушка и взглянет на него.
Но не обернулась она, а так и продолжала скользить по воздуху, склонив покрытую платком голову.
Попробовал Туре с места сдвинуться, и будто удалось ему чуть-чуть ногой шевельнуть.
Но тут слышит он — где-то далеко-далеко за горами заиграл, запел рожок пастуший:

Цветики прекрасные,
золотые, красные,
на лужайке вечером
отдохнём с милым дружком.

А потом вдруг зарыдал рожок, да так жалобно:

На дуде я играла,
на дуде я играла,
кровью сердце моё истекало.
Солнышко прекрасное,
золотое, красное,
будит в могилах
среди камней
тени несчастные
мёртвых людей.
Холодно! Холодно!

Внезапно умолкла песня, и зов пастушьего рожка перешёл в затихающий стон. И только лесовик завывал вдали на склонах, да
мельница все так же ревела и хохотала.
А в раскатах злобного хохота слышалось:

Тррр-тррр-тррр-трр, тррр-тррр-тррр-трр.
Туре кручи по плечу
и завалы,
и завалы,
и завалы.

Тррр-тррр-тррр-трр, тррр-тррр-тррр-трр.
Ну неси скорей муку
к нам под скалы,
к нам под скалы,
к нам под скалы.

Ревела река, да лесная нечисть завывала вдали.
А недвижимое око все смотрело и смотрело на охотника, маня его к себе с какой-то неистовой страшной силой.

Тррр-тррр-тррр-трр, тррр-тррр-тррр-трр.
Ха-ха-ха, хо-хо-хо, пусты клетки,
пусты клетки,
пусты клетки.

Тррр-тррр-тррр-трр, тррр-тррр-тррр-трр.
И пойдут на радость вам
малы дети,
малы дети,
малы дети.